

ИНТЕРВЬЮ

Кит Харт отвечает на одиннадцать вопросов об экономической антропологии

ХАРТ Кит (Hart, John Keith) — почетный профессор антропологии Колледжа Голдсмита при Лондонском университете (Лондон, Великобритания).

Email: keith@themorybank.co.uk

Источник: Keith Hart Answers Eleven Questions About Economic Anthropology. *Economic Sociology. The European electronic newsletter*. 2007. 9 (1): 11–16. <http://econsoc.mpifg.de>

Пер. с англ. В. В. Радаева

Кит Харт кратко описывает свою профессиональную биографию следующим образом:

Я родился в Англии, в Манчестере в 1943 г. Сейчас живу в Париже и преподаю антропологию в качестве совместителя в Лондоне. Сначала я изучал классические предметы в Кембриджском университете, а затем перешёл на социальную антропологию. Своё диссертационное исследование я проводил в г. Аккра, столице Ганы. Именно здесь я выработал идею неформальной экономики. Сначала она идентифицировалась с хозяйством городских бедных слоёв в странах третьего мира, а затем превратилась в универсальную концепцию в социальных науках. Вместе с другими экспертами я написал программу развития для получившей независимость Папуа Новой Гвинеи. Мне приходилось читать лекции в дюжине университетов по всему миру, но дольше всего я находился в Кембридже, где работал директором Центра африканских исследований. В последнее десятилетие я изучал то, как изменяются деньги и отношения обмена в условиях цифровой революции в сфере коммуникаций и формирования всемирного общества. Мне доводилось работать журналистом, консультантом по проблемам развития, издателем и профессиональным игроком. Я также активен в сети Интернет, поддерживаю сайт www.themorybank.co.uk

1. Профессор Харт, не могли бы Вы для начала рассказать немного о том, над чем Вы сейчас работаете?

В последние пару лет я написал несколько статей по проблемам денег, где анализирую их с разных точек зрения. Четыре эссе находятся в печати, в том числе: «О деньгах и антропологии: к разработке нового объекта, теории и метода», «Всепроникающая власть денег», «Деньги всегда персональны и безличны», «Роль денег в становлении всемирного общества» (так же называется моя инаугурационная лекция в Колледже Голдсмита, которая состоится в октябре). Я также выступал с докладами на пленарных заседаниях многих конференций и написал несколько статей по тематике неформальной экономики — концепции, которая является моим основным вкладом в исследования проблем развития.

Недавно мною опубликовано обзорное эссе по работам Марселя Мосса (Marcel Mauss). И в 2009 г. мы с Аленом Кайе (Alain Caillé)¹ планируем большую конференцию, посвящённую его наследию.

¹ Ранее в журнале публиковался Манифест институциональной политической экономики, написанный группой учёных и инициированный А. Кайе [Буае и др. 2008]. — *Примеч. пер.*

С Жаном-Луи Лавилем (Jean-Louis Laville) и Маргарит Мендель (Marguerite Mendell) мы готовим к публикации на английском языке «Словарь по альтернативной экономике» (Dictionnaire de l'autre économie) [Laville, Cattani 2006.]. Вместе с Крисом Ханном (Chris Hann) мы редактируем книгу «Рынок и общество: Великая трансформация сегодня» — сборник работ, посвящённых роли Карла Поляни в экономической антропологии в период кризиса неолиберализма. Крис и я также пишем совместную книгу «Экономическая антропология: краткая история». Я готовлюсь к пленарному докладу на тему «Хозяйство людей» на конференции в Лондоне в январе 2008 г. Эта конференция пройдёт под названием «Переосмысливая природу хозяйств: человеко-ориентированный подход». Она замыслена как центральное событие в серии семинаров, организации которой я в немалой степени способствовал.

Я продолжаю писать книгу «Африканская революция: Африка в мире XXI столетия» — она призвана суммировать всё то, что мне удалось исследовать на протяжении профессиональной карьеры по изучению процессов африканского развития. Совсем недавно я получил звание почётного профессора в университете Квазулу-Наталь в Дурбане (ЮАР) и собираюсь заниматься активными исследованиями в ЮАР и в Индии вместе с моим коллегой, экономистом Вишну Падаччи (Vishnu Padayachee). Я также согласился участвовать в антропологическом исследовании профсоюзов в Бразилии и Аргентине.

В сентябре 2007 г. я прочитал публичную лекцию «К новым человеческим универсалиям: Переосмысливая антропологию XXI века», где поделился своими размышлениями о будущем антропологии. В более общем плане я поддерживаю вебсайт, который является своего рода экспериментом в сфере онлайн-публикаций, нацеленных на развитие антропологии, более доступной для широкой публики (www.thememorybank.co.uk).

2. Вы получили образование по антропологии. Как Вы пришли в эту область?

Я всегда намеревался работать в академической среде, вопрос заключался лишь в выборе конкретной области. В начале 1960-х годов я изучал классические дисциплины в Кембридже, и мне это безумно нравилось. Но перспективы нахождения работы по данной специальности казались весьма туманными, в то время как социальные науки стремительно развивались. Сначала я подумывал о социологии, но в то время она входила в учебную программу для экономистов, и именно это весьма курьёзным образом (если иметь в виду то, чем я занимался впоследствии) меня от социологии отвратило. У меня был тренер по гребле, который занимался изучением эрозии в пустынях средиземноморской впадины, что позволяло ему проводить каждую зиму в тёплых краях. И я подумал, что социальная антропология подобна социологии, но только даёт возможности для путешествий, что меня очень привлекало. Когда же я перешёл на факультет антропологии, оказалось, что мои профессора работают в Гане, и мне подумалось, что будет легче получить финансирование, если и я туда поеду. Я бы, конечно, мог сочинить задним числом какое-то более достойное объяснение, но в то время мои мысли были сконцентрированы на возможных преимуществах академической карьеры. Конечно, если бы тогда я знал об университетах то, что знаю сейчас, возможно, мои приоритеты были бы иными.

3. В Ваших работах центральное место занимает проблема денег. Она также весьма заботит и экономическую социологию. В то же время сложилось впечатление (и не только у меня), что антропологи и социологи не слишком активно сотрудничают по данной теме. Каковы причины?

Антропологам и социологам сложно сотрудничать по какой-либо теме, поскольку их организационные порядки в сильной степени пересекаются, что делает их конкурентами. Я, например, обнаружил, как легко и выигрышно кооперироваться с экономистами и инженерами. Найджел Додд (Nigel Dodd),

социолог из Лондонской школы экономики, всегда с вниманием относился к моим исследованиям по проблематике денег, и я с уважением отношусь к его работам. В то же время Джеффри Ингэм (Geoffrey Ingham) разработал государственническую теорию денег, которая диаметрально противоположна тому, что делаю я. Выше я также сослался на моих парижских коллег, экономсоциологов Алена Кайе и Жана-Луи Лавиля. Должен сказать, что во Франции границы между дисциплинами часто не такие жёсткие, как в англосаксонском мире. Так, Бруно Тере (Bruno Terét) и Жан-Мишель Серве (Jean-Michel Servet) являются моими близкими коллегами, чьи работы о деньгах соединяют в себе элементы политической экономии, социологии и антропологии.

В книгу, посвящённую Карлу Поланьи, Крис Ханн и я включили главы, подготовленные Йенсом Бекертом (Jens Beckert) и Филиппом Штайнером (Philippe Steiner). Нас объединяет общая идея развития сотрудничества поверх дисциплинарных границ и построения жизнеспособной альтернативы основному направлению экономической теории. Вивиана Зелизер (Viviana Zelizer) часто приглашается для выступлений перед антропологами. Есть значительные пересечения в её интеллектуальной программе, изложенной в книге «Социальное значение денег» в 1994 г. и сборником «Деньги и мораль обмена», выпущенной в 1989 г. Джонатаном Парри (Jonathan Parry) и Морисом Блоком (Maurice Bloch). Я замечал, что и антропологи, и социологи настойчиво подчёркивают сходные личные и социальные аспекты денежных отношений, оставляя их более абстрактные и безличные трактовки экономистам. Это скорее их объединяет, чем становится основой для интенсивного разделения труда. Должен сказать, что я изучал социологию и при этом работал в качестве экономиста, таким образом, я не слишком увлекаюсь дебатами по поводу дисциплинарных границ в социальных науках.

4. Хотя приводимая мною ниже цитата, взятая с Вашего домашнего вебсайта, и вырвана из контекста, в ней видится много общего с социологическим подходом: «Экономическая антропология призвана демонстрировать, что числа, представленные в финансовых отчётах, ведомостях, счетах, квитанциях и учётных записях операций людей, образуют один из способов выражения их отношений с обществом в данный период времени (<http://www.thememorybank.co.uk/2007/07/15/127/>). Не могли бы Вы пояснить эту мысль?

В целом я стремлюсь выйти за рамки характерного для XX столетия дуализма структуры и действия. Именно поэтому я подчёркиваю принципиальную способность денег преодолевать разрывы между общим и особенным, абстрактным и конкретным, коллективным и индивидуальным. И хотя в работе, которую вы процитировали, мною не приводится подробная аргументация, я хотел бы посоперничать с Иммануилом Кантом, развивая космополитическую антропологию с прагматической точки зрения. Под этим я понимаю поиск того, что мы должны знать о человечестве в целом, если хотим построить мир, в котором каждый найдёт себе достойное место. И даже более, необходимо сделать то, что нами открыто, доступным для людей в тех формах, в каких они смогут использовать полученное знание для своих практических нужд.

Суть проповедуемого мною метода можно суммировать в трёх предложениях. Первое Вы уже привели. За ним идёт вот что: «Делая следующий шаг, необходимо показать, как и откуда появляются эти числа и как ими можно манипулировать в интересах тех или иных акторов. Тогда будет более понятно, как и зачем следует реформировать регулирующие институты для нашего общего блага». В сильно упрощённом виде можно сказать, что я пытаюсь предложить программу экономической антропологии как разновидности политического образования и, возможно, также программу социологии в дюркгеймовском смысле, делающую наши связи с обществом более наглядными.

Вопрос заключается в том, как подойти к более глубокому изучению денег. Речь идёт не только о денежных фетишах, но также о числовых фетишах (здесь мною в явном виде развиваются идеи Освальда Шпенглера (Oswald Spengler)). Наблюдается и явная параллель с рассуждениями Карла Маркса из первой главы «Капитала», за исключением того, что я избавляюсь от иллюзорного представления о товарах как относящихся только лишь друг к другу и поддерживаю удивительный взгляд на товары и цены как персонифицированные силы, полагая при этом, что эти силы являются одновременно и социальными, и личными (позиция, заимствованная мною от Мосса).

Я рад, что задавая вопрос, Вы выбрали именно это суждение, поскольку во многих отношениях оно образует ключевой момент всего моего эссе. Но чтобы обстоятельно его объяснить, пришлось бы привести множество других аргументов с самых разных сторон.

5. Что Вы считаете основными открытиями экономической антропологии, которые должны быть известны всем и каждому за её пределами?

Среди насущных вопросов, возникающих на пересечении экономической теории и антропологии, я бы указал на следующие. Как относиться к стремлению экономистов поместить все человеческие отношения на рациональную основу — следует ли антропологам присоединиться к этой программе или считать её не более чем дурным сном? Поскольку экономическая теория является продуктом западной цивилизации и в особенности англо-саксонского мира, означает ли это, что любое постулирование универсалий обречено быть проявлением этноцентризма? Можно ли считать рынки и деньги универсальными элементами человеческого общества, если капитализм как хозяйственная конфигурация возник относительно недавно? Реально ли в условиях рыночного хозяйства достичь более эффективной демократии, каким-то образом нейтрализовав неравенства, порождаемые властью больших денег? Способны ли мы достичь более гармоничного сочетания частных и общественных интересов в рамках хозяйственной организации, или индивидуализм «человека экономического» неизбежно возобладает? Должны ли мы отделить экономику как обособленный объект исследования или более продуктивно подчёркивать укоренённость экономических отношений в обществе и культуре в целом? Впрочем, ни один из этих вопросов не относится лишь к одной экономической антропологии.

Крис Ханн и я разделяем развитие экономической антропологии на три исторических этапа. Первый покрывает период от 1870-х до 1940-х годов, когда экономическая теория и антропология сформировались как академические дисциплины. На фоне бюрократической революции, сконцентрировавшей власть в недрах сильных государств и корпоративных монополий, экономическая теория преобразовала себя в исследование процессов индивидуального принятия решений на конкурентных рынках. Чуть позже, когда стремительно урбанизирующийся мир погрузился в пучины экономической депрессии и мировой войны, антропологи опубликовали свои этнографические исследования отсталых народов, которые воспринимались как оставшиеся на обочине современной истории. Заметим, что в это время ни одно из этих исследований не имело заметного отклика в публичной сфере.

Второй период, начавшийся после завершения Второй мировой войны, был отмечен значительным расширением университетов и повышением публичной роли экономической теории до её сегодняшнего уровня. Расцвет в сфере академических изданий позволил антропологам публиковаться, обращаясь почти исключительно к своему профессиональному сообществу и своим студентам. В период с 1950-х до 1970-х годов ими поддерживались оживлённые дискуссии между формалистами, субстантивистами и марксистами, и в то же время консенсус по поводу государства благосостояния достиг своего пика и происходило крушение европейских империй.

Эта дисциплинарная область стала менее различимой с начала 1980-х годов, с наступлением эры неолиберальной глобализации в мировом хозяйстве. Было проведено множество исследований процессов обмена, денег, потребления и приватизации, но как и во многих других случаях в антропологии, полученные результаты были в сильной степени фрагментированы. Экономические антропологи развернули критику капиталистической цивилизации в период, когда рыночное хозяйство стало поистине глобальным. Здесь проявилось более глубокое осознание собственных теоретических основ и даже бóльшая открытость к истории экономической мысли. Однако до определённой поры антропологи избегали прямых вызовов по отношению к экономистам, не проникая на их территорию национального и глобального экономического анализа.

В то же самое время, хотя большинство антропологов по-прежнему опиралось на полевые наблюдения как свой неотъемлемый метод, этнографическая модель исследования была подвергнута массивной критике со стороны теоретических направлений, которые порою объединяются под маркой постмодернизма. Это привело к появлению новых подходов к изучению хозяйства, в том числе с использованием экспериментальных методов, но подобные попытки обычно избегали антропологического взгляда на текущий момент мировой истории.

И это очень жаль, поскольку с окончанием холодной войны, изобретением системы Интернет и глобализацией денежных рынков возникла серьёзная потребность в применении всестороннего исторического подхода. Тем не менее в результате экономическая антропология сегодня изучает внутренние процессы функционирования капитализма в его ядре и в глобальном пространстве, незавидное состояние бедных народов в неразвитых странах, как они диктуются международной бюрократией (или логикой международного развития).

6. Если бы Вас попросили порекомендовать один текст (кроме своих собственных) для того, кто не является антропологами, но хотел бы познакомиться с экономической антропологией, что бы Вы посоветовали (пожалуйста, поясните свой выбор)?

Со всей очевидностью это был бы «Очерк о даре» Марселя Мосса [Мосс 1996], хотя смысл этого текста может легко ускользнуть, если не иметь довольно значительной предварительной подготовки. Интеллектуальная программа Мосса отправляется от дюркгеймовской работы «О разделении общественного труда» [Дюркгейм 1991], в особенности от главы, посвящённой неконтрактным элементам контракта, но и эта работа весьма не проста. На мой взгляд, наиболее революционной книгой, когда-либо написанной основателями современной социальной теории, выступает книга Эмиля Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» [Durkheim 1968]. Деньги — это Бог капитализма и экономической теории — оказываются фальшивой религией. Впрочем, это не приведёт читателя напрямую к экономической антропологии. «Общая экономическая история» Макса Вебера [Вебер 2001] также является превосходным введением, а последняя глава данного труда вновь проводит связь между хозяйством и религией. Но существует книга, которая не обманет ожиданий читателя и откроет путь к определённому типу экономической антропологии, истории и социологии, который особенно для меня интересен, — это «Великая трансформация» Карла Поланьи [Поланьи 2002]. Я уже упоминал, что начинал с изучения классических дисциплин, и это хорошо объясняет, почему я предпочитаю приступать к изучению дисциплины с её основополагающих текстов. В этом отношении у меня общее интеллектуальное наследие с большинством социологов.

7. Вы также работали над нормативными вопросами. Обычно студентам рекомендуют отделять должное от сущего. И данная позиция разделяется большинством учёных. Если это так, то интересно было бы понять, каким образом нормативные постулаты могут соотноситься с «традиционной» научной работой?

Макс Вебер, должно быть, поворачивается в гробу, когда Вы говорите подобные вещи. Главный вопрос здесь заключается в отношении политики и науки (или в более общем смысле, интеллектуальной жизни). Два великих эссе Вебера о политике как призвании и профессии и о науке как призвании и профессии [Вебер 1990] показывают, что разделительные линии между этими двумя областями очень трудно провести со всей чёткостью и, возможно, даже не следует пытаться этого делать. Он сказал, что политика выражает стремление к власти и она увлекаема страстью. Но политик, который демонстрирует невосприимчивость к рациональным обоснованиям, вскоре потеряет свой кредит доверия. Подобно этому, наука преследует цель получения знания путём рационального обоснования. Но все лучшие учёные проникнуты страстью к своим занятиям. Работу Вебера нельзя понимать иначе как попытку нахождения путей соединения науки и политики. Сферы деятельности могут быть до определённой степени специализированы, но они призваны подпитывать друг друга с течением времени.

Все величайшие мыслители, у которых я научился основополагающим вещам, черпали своё вдохновение из стремления сделать этот мир лучше. Большинство из них изменяли мир скорее своими трудами, нежели политической активностью (например, Дж. Локк и К. Маркс), но тем не менее их интеллектуальные усилия вдохновлялись вовлечённостью в политику. Я провёл основную часть своей зрелой жизни, занимаясь исследованиями процессов развития. В этой области, откуда бы ни возникали источники академического вдохновения, единственный путь для продвижения вперёд лежит через обнаружение возможного в сущем (Ж. Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегель).

Тот тип науки, который Вы идентифицировали в качестве традиционной, не более чем коллаж настоящей науки — повернутой к прошлому и консервативной, более заслуживающей названия идеологии. Если бы представители социальных наук уделяли какое-то внимание реальной науке XX столетия, они бы испытали прямое влияние научного модернизма (теории относительности, квантовой механики) или нелинейных антиредукционистских наук, демонстрирующих сложность происходящих процессов. Но, как правило, они этого не делали. Экономисты по сей день опираются на эпистемологию XVII столетия. Пожалуй, единственным из значимых социальных мыслителей, открытых достижениям современной науки и методов, был Дж. М. Кейнс. Но он не слишком заботился о разграничительных линиях между политикой и наукой.

8. Экономическая антропология, во многом как и экономическая социология, связывает себя с экономической теорией. Как Вы полагаете, приносит ли это какую-нибудь пользу?

Экономическая антропология выступает продуктом сложившегося в XX столетии близкого соседства двух академических дисциплин. Было бы неверно говорить о взаимоотношениях экономической теории и антропологии как о диалоге. С одной стороны, с самого начала экономисты, следующие неоклассической традиции, редко проявляли какой-либо интерес к антропологии и не демонстрировали его вовсе на всём протяжении второй половины XX столетия, когда их дисциплина утвердилась в качестве доминирующего идеологического и практического оружия глобального капитализма. С другой стороны, антропологи, сталкиваясь с проблемами хозяйства, как правило, считали необходимым как-то отнестись к экономическому мейнстриму — иногда применяя его идеи и методы к анализу экзотических обществ, а чаще критически относясь к этой дисциплине, провозглашающей свои универсальные постулаты. Поскольку антропологи данного периода строили свой интеллектуальный авторитет на методах полевых исследований, дискурс экономической антропологии обычно был переполнен интерпретациями экономических идей, пропущенных через призму этнографических изысканий. Но так как в то время цивилизация часто отождествлялась с хозяйством, некоторые антропологи, используя различные теории и методы, предложили свои альтернативные взгляды на прошлое, настоящее и будущее развитие хозяйства.

Когда я завершил свою докторскую диссертацию, то присоединился к группе, состоящей в основном из экономистов, занимающихся проблемами развития. И мне пришлось вступить с ними в диалог. Этот диалог можно было бы представить следующим образом.

Экономист: Действительно ли предельная производительность сельскохозяйственного труда в Гане равняется нулю?

Харт: Что это означает?

Э.: Я говорю о дуалистической теории Льюиса, посвящённой трудовой миграции между традиционным и современным секторами экономики. Предполагается, что люди могут покидать традиционный сектор, и при этом в нём не происходит уменьшения объёмов производства.

Х.: А имеет ли вообще какое-либо значение уровень дохода, который они получают, работая в сельском хозяйстве?

Э.: Что Вы имеете в виду?

Х.: Дело в том, что бóльшая часть сельскохозяйственных работ осуществляется молодыми мужчинами, а распределение продукта контролируется старшими. Таким образом, если молодые уходят на заработки в город, то сколько бы они там не получали, это становится их личным доходом и в любом случае оказывается, что это больше, чем они получали дома.

Э.: Как вы называете подобный тип организации?

Х.: Родовым (клановым) (lineages) или регулируемым группами по происхождению (unilineal descent groups)². Французский марксист Пьер-Филипп Рей (Pierre-Philippe Rey) хорошо описал этот клановый способ производства в Западной Африке.

Э.: И Вы ещё говорите, что экономисты злоупотребляют жаргонными терминами! Есть новая версия модели Льюиса, предложенная Джоном Харрисом (John R. Harris) и Майклом Тодаро (Michael P. Todaro), которая учитывает сравнительные ожидания дохода в сельской и городской местности.

Х.: Может, нам следует написать совместную статью «Клановый способ распределения: возвращение к модели Льюиса»...

Этим и многими другими путями я сообразил, что вполне благополучно могу обустроить свою академическую жизнь, действуя в качестве посредника между антропологией и экономической теорией. Но мне хотелось изменить обе дисциплины. Я понял, что хотел бы научиться говорить с экономистами на их языке, раз уж они заняли доминирующие профессиональные позиции в области проблем развития. И в течение трёх лет я работал в журнале «The Economist», публикуя в нём репортажи о Западной Африке. Через эту работу я и выучил экономическую фразеологию (economesse), что позволяло мне выступать в качестве экономиста, не имея соответствующего формального образования. Это сослужило мне добрую службу, когда я разрабатывал концепцию неформальной экономики. Моя исходная статья состояла из двух частей. Первая была живо написанными этнографическими зарисовками жизни в трущобах Аккры (я был там, а Вы там не

² Группой по происхождению является всякая социальная группа, членство в которой зависит от общего происхождения от реального или мифического предка. Например, обладание определённой родословной означает принадлежность к однолинейной группе по происхождению, членство в которой может основываться либо на патрилинейном, либо на матрилинейном происхождении (<http://www.i-u.ru/biblio/>). — *Примеч. пер.*

были). Вторая же часть была построена как разговор с коллегами-экономистами и представляла мою аргументацию в тех терминах, в которых они были готовы её воспринять.

В то время у меня был близкий друг, экономист Джон Брайден (John Bryden). Позднее мы написали совместную книгу «Новый подход к анализу развития сельских территорий в Европе» (2004) [Bryden, Hart 2004]. Мой нынешний партнёр по исследовательскому проекту в ЮАР тоже экономист, Вишну Падаячи (Vishnu Padayachee), мы с ним изучаем деятельность индийских бизнесменов и в более общем плане — отношения между Индией и Южной Африкой. Таким образом, я продолжаю извлекать выгоды из междисциплинарного диалога.

Также не без энтузиазма могу отметить развитие внутри экономической дисциплины заметной альтернативы мейнстриму экономической теории — постаутистической экономической теории (post-autistic economics). Я всерьёз надеюсь, что после стерильных отношений XX столетия вновь откроется возможность для продуктивного междисциплинарного диалога. Но даже если этого и не произойдёт, я намерен его продолжать. Несмотря на всё своё раздражение от того, как экономисты злоупотребили легковёрным общественным мнением, я по-прежнему верю, что человечество выиграло бы, если бы продемонстрировало способность более рациональным образом разрешать свои экономические проблемы.

9. Видите ли Вы какие-то недостатки в современной экономической антропологии?

Главные недостатки экономической антропологии присущи и академической антропологии в целом — это чрезмерное полагание на методы полевых исследований, отказ заниматься вопросами мировой истории, замыкание в профессиональной гильдии, пытающейся оборонять свои ряды, и закрытость к междисциплинарному диалогу, который мог бы сегодня привести к развитию подлинной альтернативы мейнстриму экономической теории. В настоящее время я вижу некоторые улучшения в этой области и пытаюсь со своей стороны поддержать инициативы в рамках подобного проекта.

10. Предполагая, что мы на это способны (а Ваши ответы это подразумевают и дают определённую надежду), какие темы, по Вашему мнению, целесообразно было бы выбрать для сотрудничества социологов и антропологов?

Как уже отмечалось выше, я обнаружил, что мне лично нетрудно взаимодействовать с исследователями из других дисциплин, которые имеют сходные взгляды и интересуются аналогичными вопросами. Но построение институциональных и интерактивных рамок для выработки последовательной альтернативы экономическому мейнстриму куда важнее, чем поиск отдельных тем для спонтанных совместных исследований.

Поскольку антропологи и социологи действительно занимаются разными вещами, что бы могло сделать сотрудничество между ними выгодным для обеих сторон? С моей точки зрения, обычные рассказы об их глубоких различиях являются глубоким заблуждением. Предполагается, что антропологи изучают других и особенно ценят возможность сближения с изучаемыми людьми. Социологи же работают ближе к собственному дому и более строги в теоретическом и методологическом отношении. Антропологи часто жалуются на высокомерное отношение со стороны социологов, считая это неспособностью отсталой и заформализованной буржуазной касты воспринять всерьёз наши вторжения в анализ процессов глобального капитализма. Но в этом стереотипном противопоставлении есть и доля истины. Антропологи часто выполняют охранительную функцию — они могут выдерживать интеллектуальную строгость, на которой так настаивают социологи, и в то же время в их распоряжении находится более широкая база для

сравнительного анализа, которая, возможно, должна быть более доступна тем, кто изучает одни лишь западные общества.

Среди множества антропологических школ я вышел из той, которая всегда понимала социальную антропологию как форму сравнительной социологии, следуя традиции, идущей ещё от Ш. Монте-скье. Так что я порекомендовал бы экономсоциологам больше интересоваться тем, что реально делают антропологи и насколько различны наши практики и предпосылки, из которых мы исходим. Например, книга Кальмана Эплбаума (Kalman Applbaum) «Эра маркетизации» (2003) [Appelbaum 2003] является чрезвычайно оригинальной антропологической работой, в которой комбинируются исторические сопоставления между развитием рынков в Великобритании XVIII столетия и США начала XX столетия со многими комментариями о глобальном распространении рыночных практик в настоящее время, основанными на этнографических свидетельствах. Я убеждён, что возможности для интеллектуального обмена и сотрудничества с экономсоциологами были бы намного больше, если бы автор попросту не принадлежал к другой профессиональной гильдии. Так что самое главное — создать условия для диалога, и проведение Вами данного интервью очевидно этому способствует.

В последние годы я занимался изучением одного из типов антропологии, которая формировала себя не как современная академическая дисциплина, а опиралась на либеральную философию XVIII столетия, в особенности на космополитические взгляды И. Канта. И в таком варианте антропология может касаться буквально всего, что мы хотели бы знать о человечестве в целом, если стремимся к построению более равного мирового сообщества. Хочется верить, что подобный подход будут разделять те, кто изучает историю, социологию, политическую экономию, философию и литературу, а не только представители моей специальности. Многие дисциплины могли бы внести свой вклад в данный процесс, не претендуя при этом на монопольную позицию. Сходную роль в последние полвека сыграла идея развития. Такой подход намного более важен, чем все стремления наших обособленных академических гильдий отстаивать свои исключительные права на подлинное знание, находя от случая к случаю возможности для совместной работы. Антропология должна стать элементом широкой интеллектуальной коалиции тех, для кого осуществление новых человеческих устоев — мирового общества, в котором каждый находит своё место, — является насущной личной потребностью.

11. Если бы к Вам обратился за советом молодой исследователь, интересующийся вопросами хозяйства, какой наиболее важный урок Вы извлекли из своих занятий?

Изучайте хозяйство любыми способами, делая то, чего не делают экономисты; при этом учитесь говорить и писать на экономическом языке, чтобы Вы могли вступить с ними в продуктивный диалог.

Литература

- Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. 2008. К созданию институциональной политической экономии. *Экономическая социология*. 9 (3): 17–24.
- Вебер М. 1990. *Избранные произведения*. М.: Прогресс; 644–735.
- Вебер М. 2001. *История хозяйства*. Город. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле.
- Дюркгейм Э. 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука.
- Мосс М. 1996. Очерк о даре. В кн.: Мосс М. *Общества, обмен, личность: труды по социальной антропологии*. М.: Восточная литература; 83–222.
- Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя.
- Applbaum. 2003. *The Marketing Era: From Professional Practice to Global Provisioning*. New York: Routledge.
- Bryden J., Hart K. (eds.). 2004. *A New Approach to Rural Development in Europe: Germany, Greece, Scotland, and Sweden*. Lewiston (N.Y.): E. Mellen Press.
- Durkheim E. 1968 (1912). *Les Formes Élémentaires de la Vie Religieuse*. Paris: Les Presses Universitaires de France.
- Laville J.-L., Cattani A. D. (dir.) 2006. *Dictionnaire de l'autre économie*. Paris: Gallimard.